

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ХИЩНИК

"Курьер", 1902 г., No 42.

Евгений Соловьев (он же Андреевич) - литератор с очень большими претензиями. Он говорит о себе, как о критике, предлагающем безусловно новые пути в деле изучения истории русской литературы, старающемся, не в пример прочим исследователям этой истории, поставить ее на истинно научную почву.* Он уверяет, что до него историки литературы почти совершенно не разбирали писателей с точки зрения принадлежности их к той или другой общественной группе, не объясняли хода литературного развития из условий развития общественных отношений. "По части изучения сословного духа нашей литературы, - заявляет он, - сделано так мало, что можно сказать, почти ничего не сделано". И заявивши это, он рекомендует свои произведения, как первую в своем роде попытку в должном направлении. Нападки, которым в свое время подвергались его критические статьи, он объясняет исключительно тем, что нет пророков в своем отечестве, что людям вообще свойственны ненависть и жажда ко всяким новаторским начинаниям. "Естественно первая попытка моя... вызвала взрыв негодования и желание стереть меня с лица земли".

* См. *"Жизнь", 1899 г., ноябрь, стр. 431, и также "Очерки по истории русской литературы XIX века, стр. 69.*

Одним словом, если основываться на характеристике, которую дал себе Евгений Соловьев, можно было бы только приветствовать его, изумляться непростительной злонамеренности его оппонентов и радоваться тому, что в его лице русская литературная критика сделала такие блестящие успехи... Но, к сожалению, дело обстоит далеко не так, как старается его представить г.Соловьев: при ближайшем рассмотрении его критических исследований оказывается, что новых путей в науке он не открывает, что ничего ценного к работам своих предшественников он не прибавляет, что новатором его можно назвать только в одном смысле: он избрал такой упрощенный способ подвергать анализу литературные явления, который до сих пор не практиковался ни одним из русских критиков, сколько-нибудь дороживший своим именем и своей деятельностью.

Этот упрощенный способ заключается в следующем.

Еще в 1899 г.* на страницах "Русского Богатства" Н.К. Михайловский указывал на то, что Евг. Соловьев весьма оригинально пользуется чужими трудами и исследованиями, что он, например иногда переписывает чужие слова и выдает их за собственные. В доказательство г. Михайловский приводит характерный случай.

* *"Русское Богатство", октябрь, стр. 198.*

"В биографии гр. Л. Толстого (1897 г., в биографической серии Ф. Павленкова) г. Соловьев объясняет: "Для меня теперь важны не только мысль Толстого, а его настроение, его писательская драма, по поводу которой, между прочим, считаю нужным напомнить, что впервые она была подвергнута блестящему анализу в сочинениях Н.К. Михайловского в 1875 году" (стр. 86). Г. Соловьев напоминает о моих статьях "между прочим" и в том смысле, что я в них высказал известный взгляд "впервые", следовательно, так сказать, в зародышевом виде, ну, а он, г.Соловьев, через двадцать два года, конечно, пошел дальше в развитии этого взгляда. И, однако, непосредственно вслед за приветственными словами он целиком и, надо ему отдать справедливость, без ошибки переписывает мои слова, не отмечая их не кавычками, ни петитом, ни ссылкой на страницу, словом, ни одним из общепринятых в таких случаях способов: он говорит от себя.

Сотрудник того же журнала В.Г. Подарский в феврале прошлого года*, разобрал статью г. Андреевича "Литературное мещанство"**, отметил другой аналогичный случай:

"У Г.Андреевича - говорит он, - есть, впрочем, и не одни промахи, но и очень хорошие страницы. Мне особенно понравилось на стр. 356-358 (ноябрь) изображение истории европейского мещанства и его психологии. Понравилось, однако, согласно латинскому изречению *bis repetita placent*, т.е. "вещи, два раза повторенные, нравятся". Эти, действительно, наилучшие места в статье г.Андреевича представляют собой за исключением каких-то фиоритур критика - почти буквальное воспроизведение некоторых